

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

В.И. Ионесов

Самарский государственный технический университет
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: ionesov@mail.ru

Проблемы взаимодействия культуры и природы традиционно являются ключевой темой историко-культурологических исследований. Масштабы и формы этого взаимодействия менялись как в пространстве, так и во времени, определяя и корректируя механизмы культурного иммунитета каждого конкретного социума. В статье обосновывается полифункциональное воздействие естественной среды на развитие культуры и рассматривается система обратной связи между ними. Показывается, что культура выступает средством самоорганизации социума, поддержания его жизнеспособности и адаптивности. Культура трактуется как упорядоченная, вещественно-разумная модель сущностной характеристики человека, которую следует рассматривать как целенаправленную селективную деятельность по опредмечиванию природы в конструировании регулятивно-ценностной среды человеческого бытия. Автор выявляет формы социально-экологического взаимодействия в культурно-историческом процессе. Культура создает среду социального выживания, в которой способности и физическая энергия человека находят свое логико-предметное отражение в материальных и духовных атрибутах жизнедеятельности людей. Доказывается, что каждый исторический этап в развитии цивилизации создает свою «культурную среду выживания» в соответствии с технологическими возможностями социума. Предлагаемые в статье модели могут быть использованы в преподавании курса по экологической антропологии в тематическом разделе генезиса и взаимодействия культуры и природы.

Ключевые слова: человек, культура, природа, трансформация, экологические императивы, адаптация, развитие.

В самом общем виде культуру можно трактовать как систему надбиологического структурирования отношений между человеком и природой. Как полагает американский антрополог Клиффорд Гирц, культура есть «набор контрольных механизмов... управляющих поведением... Человек – это животное, наиболее безнадежно зависящее от таких внегенетических контрольных механизмов, от таких культурных программ в деле упорядочивания своего поведения. Мы неполные, незавершенные

Владимир Иванович Ионесов, доктор культурологии, профессор кафедры психологии и педагогики.

животные, которые дополняют, завершают себя посредством культуры – причем не посредством абстрактной культуры, а посредством ее очень конкретных форм» [1, с. 56, 62]. Генеральное противоречие между культурой и природой сводится к тому, что векторы движения культуры и природы крайне редко совпадают – природа эволюционирует в основе своей циклично (к примеру, времена года, дни и ночи и т. д.), у нее нет цели, расчета, схемы и пр., тогда как культура в своей эволюции движется от цели к цели, даже если эти цели не осознаются как таковые. Культурный процесс развертывается в рамках социального поля эволюции, т. е. структурно-нормированного пространства, так же как жизненный путь отдельного человека так или иначе есть постоянная и последовательная постановка и достижение целей. Если все эти цели или векторы развития соединить (сложить) одной линией, получится прямая или равнодействующая сила.

По причине несовпадения природных и культурных процессов создается и всякий раз воспроизводится ситуация перманентного конфликта между культурой и природой, которые лишь иногда и краткосрочно пребывают в согласованном единстве при редких, но достаточно регулярных моментах соприкосновения, происходящих в точках пересечения их движения. По существу, сбалансированное развитие культуры должно заключаться в стремлении согласовать вектор развития культуросферы с движением биосферы. Такое сближение культурных и природных процессов будет способствовать упорядоченности культурной среды как согласованного продолжения организации мира природы. Достижение такого функционального баланса в жизнедеятельности культурной системы будет означать создание биокультурной целостности или, иными словами, ноосферы.

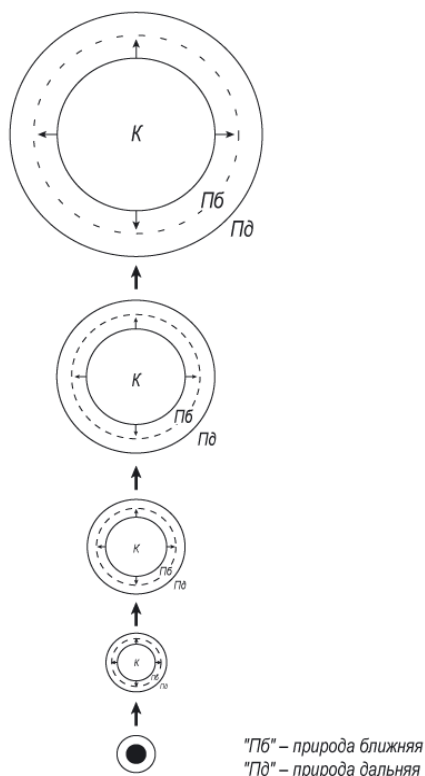
Недостаточность человека определяется тем, что природа лишь частично охватывает человеческую сущность [8, с. 104]. В человеке живет лишь часть мира – одна «нога» человека «зарыта в природу», а другая – подвешена в надприродной неопределенности. Эта онтологическая двойственность лишает индивидуума необходимой для животного существования биологической спецификации. Одновременно физическая или соматическая неспециализированность человека создает перманентный раскол в родовой организации человечества, выраженный в извечном оппозиционировании биологического и социального, индивидуального и коллективного, локального и планетарного. Отсутствие данной спецификации обуславливает также стремление человека к объединению и *со-участию*.

В этой связи примечательны весьма точные размышления А.Ф. Лосева о соотносимости части и целого, природного и социального в человеке: «Говорят, человек есть часть природы. Это неправильно, потому что в человеке природа обязательно есть; а есть ли человек в природе, это – вопрос факта: в природе в то или иное время может и не быть человека. Чтобы было социальное, нужна природа. Но чтобы была природа, не обязательно социальное. Поэтому не человек есть часть природы, а природа есть часть человека. Поэтому и род, если его понимать природно, т. е. чисто биологически, не есть весь человек. Человек есть не только биологический организм, но и социальное существо. Человек имеет не только физическое тело, но и личность. Человек не только вещь, но и дух, душа, личность, субъект, «я», сознание, самосознание. Куда деть человеку его собственное «я»? Это «я» нельзя уничтожить или растворить в процессах физико-химических или биологических. Это – элементарная социальная клетка великого социального организма, и одним биологическим родом тут всего не объяснишь» [4, с. 88].

Генезис культуры как трансформационный процесс актуализируется разнообразными сопряжениями и взаимодействиями надсоматических и биоприродных фак-

торов, переводящих неупорядоченные для человека объекты в организованные (опредмеченные) культурные сущности. Процесс формотворчества детерминирован способностью человека трансформировать окружающую его действительность – опредмечивать и распредмечивать природу, самого себя и созданные им культурные сущности.

Культура фокусирует в себе три основные сферы жизнедеятельности людей: а) экологическую (естественная среда обитания); б) этнокультурную; в) социорегулятивную. В системе взаимодействия культуры с естественной средой выделяются два уровня отношений: а) взаимодействие с природой ближней/малой (Пб – зоны обитания, охоты, собирательства, хозяйства, включая географический ландшафт, рельеф, водные источники и пр.); б) взаимодействие с природой дальней/большой (Пд – погодно-климатические явления и пр.) (см. рисунок).

Взаимодействие культуры и природы в эволюционном процессе

При этом по мере развития культуры человек изменяет (потребляет) свою ближнюю среду обитания, «разбирая» природу под формы своей хозяйственной деятельности. Тем самым в контактной зоне активного и непосредственного социально-экологического взаимодействия перманентно запускаются инновационные процессы по опредмечиванию природы. Как отмечает В.И. Карасёв, «первая адекватная реакция конкретного человеческого сообщества будет не освоение, а присвоение (подчинение) новых природных и социальных феноменов; т. е. инновация развития всегда будет предшествовать фазе адаптации выживания» [3, с. 195].

На определенном историческом этапе наступает момент, когда экологические ресурсы опредмечивания постепенно исчерпываются, а культурный потенциал об-

щества продолжает наращиваться, не имея адекватного технологического выхода. Достигая своей «критической точки», этот заряд взрывает старую, исчерпавшую себя среду выживания и реорганизовывается в новые структуры природно-социального взаимодействия, соответствующие более крупным масштабам, границам и возможностям социально-экономического маневрирования социума. Представляется, что такая цикличность в значительной мере совпадает с основными эпохальными рубежами в развитии цивилизации. В наиболее «чистом», не заслоненном виде эта модель просматривается на ранних этапах человеческой истории в трансформационных процессах миграции, адаптации, ассимиляции, реорганизации культур и пр. Так, раннегородские цивилизации Среднего Востока в эпоху бронзы испытывали на себе по меньшей мере два обширных социально-экологических коллапса, пришедшихся на конец III – начало II тыс. до н. э. и конец II – начало I тыс. до н. э.

Воздействие экологических факторов на культурную и социальную жизнь цивилизации зримо просматривается и в динамике развития *эстетико-нормативных ценностей* общества. Для первобытного человека природа есть неведомая, всесильная вселенская стихия, но ограниченная замкнутым пространством человеческого бытия. Природа есть лишь его дом, поселение, место охоты, собирательства, хозяйства, т. е. все то, что он видит, осязает и потребляет. Эта природа живая, одухотворенная, но близкая, не антропоморфная. Легкий и прозрачный культурный слой первобытности не позволял человеку осознать индивидуальность в мире, выделить себя из естественной среды. Эта неделимость человека и природы проявлялась во всем. Сюжеты изобразительного искусства и прочие артефакты показывают, что животных наравне с людьми используют в различных магических действиях (жертвоприношениях, ритуальных танцах, погребениях и пр.).

С возникновением цивилизации культура все больше антропоморфизируется, «покрывается» телесностью, овеществляется. Культурный слой античности уже достаточно осязаем для того, чтобы выделить человека в природе, но еще недостаточно прочен (независим), чтобы отделить от него природу. Отсюда раздвоенность мышления, телесная обтекаемость мысли, пространственно-временная одномерность, антропоморфизм Космоса. И хотя в античный период истории законы природы все еще продолжают оставаться законами общественной жизни, формирование цивилизации радикально меняет облик и ценности культуры. В античном сознании культура и природа рассматриваются уже как два взаимосвязанных мира – мира людей и мира космических героев и богов. Причем мифические персонажи непременно наделяются человеческими чертами. И хотя для Платона мир вещей является отражением мира идей, последний, однако, помещен им во вполне чувственно-телесный Космос [4]. На дуалистических культурно-природных принципах зиждется и мышление *южноамериканских индейцев*, которые помимо видимого мира допускают существование и другой реальности, где находятся двойники живых существ, в том числе и животных. Яркий дуализм и сакрализация жизненно-мировых феноменов (свет, тьма, тень, цвет, круг, гармония, симметрия, ритм, пространство, время, жизнь, мера, смерть, земля, человек и пр.) характеризуют зороастрийскую религиозную идеологию.

Усилившиеся миграционные перемещения, усложнение общественно-политических отношений и социальной структуры общества, расширение торгово-экономических связей, завоевательные войны и образование мировых империй разорвали прежние пространственно-временные границы бытия и телесно-вещественные формы мышления. Формирование представлений о многомерности и бесконечности пространства, «отторжение» духа от плоти были следствием наступившей много-

мерности социально-экономических процессов в обществе. На место предметно-телесной организации античного Космоса пришла мистически-духовная доминанта средневекового мира. Человек оказался растворенным в бесконечном пространстве средневекового Космоса, которым безраздельно начинает править дух, идея, понятие. Как замечает У. Эко, «...античность не сводила глаз с природы, в то время как люди средневековья... оглядывались на классическую древность. В какой-то степени вся средневековая культура на самом деле является феноменологией культурной традиции в гораздо большей степени, нежели феноменологией реальности... В Средние века существовала некая концепция красоты чисто интеллектуальной, красоты моральной гармонии, метафизического сияния...» [7, с. 17].

Зависимость культурно-исторического процесса от многообразного воздействия экологической среды – климата, ландшафта, почвенно-географических условий и пр. – особо ощутимо проявлялась на ранних этапах человеческой истории (вплоть до начала раннегородской цивилизации). Причем это воздействие наиболее значительным оказалось на этапах крутых эпохальных поворотов, в так называемые переходные периоды, смены жизненных циклов культуры, в исторических нишах и складках трансформации. Показательно, что радикальные перемены в истории общества часто сопровождались экологическими переходными ситуациями. Наглядные свидетельства такой соподчиненности выразительно просматриваются в развитии центрально-азиатских цивилизаций бронзового века (IV–II тыс. до н. э.) [9, 10].

Важным фактором экологического воздействия на социальную жизнь общества является природно-географическая дифференциация культурно- исторических зон. Известно, что древнейшие центры производящей экономики первоначально сложились преимущественно в горных районах, где природная среда в наибольшей мере благоприятствовала эффективному ведению небольших по размерам и разрозненных земледельческо-скотоводческих хозяйств. Люди спускаются с гор и выходят из других замкнутых пространств на равнины лишь тогда, когда выработанные цивилизацией социокультурные механизмы ослабляют их зависимость от экологического окружения. Включение все большего числа разработанных природно-географических зон в культурно-исторический процесс стимулировал переход от дифференциации природной (ландшафтно-климатической) к дифференциации хозяйственной, что, в свою очередь, углубляло гетерогенность социальных организмов и вело к усложнению их связей с природой. Яркий цивилизационный взлет и «укрощение» экологических вызовов связаны с культурным освоением плодородных аллювиальных равнин, где становление урбанистических центров было доведено до своего эпохального завершения. Горы и реки, пустыни и равнины не столько разъединяли людей в истории, сколько создавали для них объективные предпосылки многостороннего торгово-хозяйственного взаимодействия и интеграции. Показательно также, что все наиболее ранние цивилизации сложились на границах экологических зон или в условиях выраженного природно-географического и культурно-исторического разнообразия (Египет, Месопотамия, Греция, Бактрия, Анатолия и др.).

Разумеется, механизмы прямой и обратной связи между культурой и природой могут проявляться в самых разных контекстах и конфигурациях. Роль экологических императивов в культурно-историческом процессе не стоит абсолютизировать, поскольку степень их воздействия во многом зависит от ряда других факторов и механизмов системы социальной жизнедеятельности. Всестороннее исследование данной темы возможно лишь на пути интегрированного знания, с использованием данных ряда научных дисциплин (истории, археологии, философии, культурологии, экологии, этнографии и др.) и внедрения комплексных подходов к ее осмыслению.

Однако нельзя не признать, что жизнеспособность цивилизации неразрывно связана с ее движением в сторону природы, т. е. к достижению уровня внутренней самоорганизованности биологических организмов средствами культуры. Это позволяет «укротить» противоречие между линейной организацией природных комплексов биосферы. Новая стратегия эколого-социального равновесия, по мнению Э.С. Маркаряна, состоит в «адаптации экономической активности к нелинейной, циклической организации биологической жизни на планете» [6, с. 19].

Таким образом, механизмы прямой и обратной связи между природой и обществом следует рассматривать как проблему вхождения культуры в природу и природы в культуру. Данная тема фокусирует в себе комплекс дискуссионных вопросов, в первом ряду которых выделяются следующие: 1) феноменология этнокультурного взаимодействия социальных организмов, находящихся в различных природно-географических зонах; 2) экологические факторы в культурогенезе цивилизации; 3) экологические детерминанты торгово-обменно-экономических связей – полифункциональное воздействие природных и общественных импульсов на хозяйственную дифференциацию и специализацию ремесел; 4) экологические императивы в социально-политической организации общественной жизни – природа власти и власть природы в формировании и развитии цивилизации; 5) механизмы воздействия природно-географической среды на становление духовной культуры и общественного сознания социума (экологическая природа обожествления) [2, 1992].

Все эти вопросы весьма актуальны в разработке тематических блоков по экологической антропологии и экологии культуры и успешно применяются в культурологическом образовании. Одним из недавних педагогических опытов использования теоретических моделей, представленных в данной статье, стал факультативный курс для студентов-культурологов «Всемирное природное и культурное наследие: динамика взаимодействия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гири К.* Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – 552 с.
2. *Ионесов В.И.* Цивилизация и экология // Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. – Самарканд: Институт археологии АН РУ, 1992. – С.47-51.
3. *Карасев В.И.* Общество, государство, цивилизация: к теории становления социумов. – М.: НПО «МОДЕК», 1994. – 224 с.
4. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. – М.: Политическая литература, 1991. – 526 с.
5. *Лосев А.Ф.* Жизнь // Юность. – 1990. – № 5. – С. 78 – 93
6. *Маркарян Э.С.* Императивы экологического выживания и наука: поиск новой стратегии // Препринт. – Пущино: Академия наук СССР, 1989. – 42 с.
7. *Эко У.* Эволюция средневековой эстетики. – СПб.: Азбука – классика, 2004. – 288 с.
8. *Элиаде М.* Священное и мирское. – М.: Изд-во Московского университета, 1994. – 144 с.
9. *Ionesov V.I.* Imitative Ritual in Proto-Bactrian Mortuary Practice // *Current Anthropology*. – Vol. 40, № 1, 1999. – P. 87-89.
10. *Ionesov V.I.* The Struggle between Life and Death in Proto-Bactrian Culture: Ritual and Conflict. The Edwin Mellen Press, Lewiston, NY. 2002. – 220 pp.

Поступила в редакцию 16.10.2014;
в окончательном варианте 20.10.2014

UDC 008. 1/6

SOCIAL AND ECOLOGICAL INTERACTIONS IN CULTURAL PROCESS

V.I. Ionesov

Samara State Technical University
244, Molodogvardeiskaya Str., Samara, 443100
E-mail: ionesov@mail.ru

The problems of interaction between nature and culture are a key theme of the historical and cultural studies. The scale and shapes of this interaction varied both in space and in time. The article explains the principles and mechanisms of the multifunctional influence of the natural environment on the development of culture and the feedback system between them. It is shown that the culture is a mode of self-organization of society, its viability and adaptation. Culture is treated as an ordered, rational model of the essential characteristics of the person, which should be regarded as selection and updating natural forces in the design of the regulatory and objective environment of the human being. The author reveals the models of the socio-environmental interaction in the cultural-historical process. Culture creates an environment of the social survival, in which the ability and physical energy of a person are logical-objectively realized in the material and spiritual attributes of the human activity. It is proved that every historical stage in the development of civilization creates its own "cultural environment of survival" in accordance with the technological capabilities of society. The models are presented in this article can be used in the learning course of educational anthropology as the thematic chapter on the interaction between culture and nature.

Key words: human being, culture, nature, transformation, ecological imperatives, adaptation, development.

Original article submitted 16.10.2014;
revision submitted 20.10.2014

Vladimir I. Ionesov, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Psychology and Pedagogics.

УДК 377

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н.Ю. Каракозова

Тольяттинский государственный университет,
445667, г. Тольятти, Самарская область, ул. Белорусская, 14
E-mail: karakozova1226@rambler.ru

Актуальность темы обусловлена введением Федерального государственного стандарта дошкольного образования, для реализации которого педагогам необходимо овладеть современными педагогическими технологиями, обеспечивающими повышение эффективности воспитательно-образовательного процесса. Вследствие этого формированию технологической составляющей профессиональной деятельности педагогов необходимо уделять особое внимание при организации процесса профессионального обучения. В соответствии с концепцией компетентностного подхода технологическая составляющая может рассматриваться как технологическая компетентность. Автором представляется структура технологической компетентности педагогов дошкольного образования, включающая в себя мотивационно-ценностный, когнитивный и деятельностный компоненты. Приводятся критерии и показатели данного вида компетентности в соответствии с уровнями сформированности. Излагается содержание методики изучения сформированности компонентов технологической компетентности педагогов. Освещаются результаты констатирующего и контрольного экспериментов, наглядно иллюстрирующие динамику процесса формирования компонентов технологической компетентности педагогов. Раскрывается специфика реализации программы обучения педагогов дошкольного образования посредством технологии модульного обучения, содержание которой представлено в рамках образовательного модуля как целостной образовательной единицы, включающей несколько взаимосвязанных информационных бло-

Каракозова Наталья Юрьевна, соискатель кафедры педагогики и методики преподавания.